

- I Гришин
- 2 Николай
- 3 Степанович
- 4 1925г.р. партийность беспартийный
- 5 в начале службы рядовой; в конце службы ефрейтор
- 6 в начале службы стрелок;
- 7 пехота
- 8 с апреля месяца 1944 года по 19 октября 1944 года
- 9 3-й Прибалтийский
- 10 376 с.д. 1252 с.п. 2 бат. 5 рота.
- 11 Псков, Рига
- 12
- 13 "Красная Звезда"
- 14 "За отвагу", "За победу над Германией", юбилейные медали.
- 15
- 16 ранен под Ригой 60 км. 19/X-1944г.
- 17 [REDACTED]
- 18 завод "Шестерен"
- 19 эл. слесарь
- 20

Адресов у меня никаких нет, так как мы по молодости этого не делали, теперь только об этом тужим, да и писать было некогда, так как на передовой в пехоте долго не задерживались, одних убивали, других ранило уходило в госпиталь, так что там все время были новые люди, это мне каким-то чудом пришлось больше пол года быть в одной части, и все время на передовой в окопах. Много конечно забыто, прошло много времени, но есть некоторые эпизоды, которые кажется не забудешь до самой смерти. И вот сейчас другой раз вспомнишь и думаешь каким-то чудом остался жив. Мне пришлось возвращаться со всем пехотным оружием, стояли в обороне под Псковым, был стрелком, была у меня винтовка, был на курсах снайперов, дали снайперскую винтовку старую, потом дали новую, ее номер записан в моей красноармейской книжке, когда пошли в наступление была винтовка, был карабин, автомат был П.Т.ша, П.П.С. был автомат был первым номером ручного пулемета, но его мне не долго пришлось носить, его у меня раз-

48
было, сам чудом остался жив. Взял опять автомат, приходилось быть в расчетах станкового пулемета, таскал коробки с лентами, в коробке 250 патронов в ленте, в двух коробках 500 штук, ох и тяжело было их таскать, да еще свою винтовку или автомат, в общем все пришлось испытать и пережить, сейчас вспомнить и это кажется не правдоподобным. Воевать мне пришлось в Прибалтике, много было разных приключений всего и не опишешь, но об одном напишу. В это время я находился в штабе батальона, меня послали туда с донесениями и в это время приходит в штаб капитан или старший лейтенант я сейчас не помню, какой-то химинструктор берет меня и двух автоматчиков, один был парень немножко постарше меня, а другой лет сорока и говорит нам, пойдём узнаем кто наш сосед слева, то есть какая часть с нами по соседству и мы вчетвером пошли, помню шли по дороге, справа у нас был лес, а слева какие-то поселки, хутора. Перешли через реку, мост был взорван, мы лезли по остаткам моста и опять пошли по дороге вдоль леса, по пути встречали окопы, видно что наших солдат, Коробки от патронов, в общем было видно, что здесь проходили наши солдаты, Сейчас не помню сколько времени мы так шли, в одном месте дошли до просеки в лес и мы в лес вернули. И пошли вдоль просеки и натолкнулись там на хутор, подошли к дому, около дома был старик латыш, мы у него спросили, были ли здесь русские солдаты, он на ломаном языке нам сказал, что были и мы пошли дальше. Дорога спускалась в низ и нам была видна какая-то деревня и посева какие-то, помню с левой стороны дороги стоял большой сарай и мы к нему приближались и вдруг по нас начали стрелять или с минометами с артиллерии сейчас не помню. Когда нас начали обстреливать, мы нынули в кювет, я, парень и капитан, а тот, что постарше побежал назад по дороге к лесу, когда мы побежали по нас начали стрелять из винтовок и по выстрелам можно было определить, что стреляют где-то очень близко. Первым бежал капитан, я за ним, и как видно они целились в капитана. Они видели, что он офицер, его пуля сразу сбила с ног, когда мы были уже в кювете, посмотрели, а у него насквозь пробита грудь, из раны воздух выходил со свистом, мы его перевязали и он даёт мне свой пистолет и говорит, ползи назад к дому, где был дед латыш, мы от дома не далеко отошли, я было пополз, но ползти было плохо, там были какие-то грядки и побежал во весь рост, немцы опять начали по мне стрелять, но как-то чудом ни одна пуля в меня не попала. Я подбежал к дому, вижу ничего опасного нет и машу им, чтобы они ползли. Когда они приползли к дому, капитану уже было плохо, он просил пить, обычно после ране-

ния очень хочется пить, это я знаю по себе. Помню дед принес воды, но капитан первым пить не стал, заставил деда сперва хлебнуть воды, а потом сам стал пить. Потом мы его повели под руки или той же дорогой назад, не помню сколько времени мы его вели, потом он уже идти не мог. Мы нашли в одной хате какую-то дерюжку и сделали наподобие носилок и понесли его. Дошли до хутора, а там вроде склады какие-то были, там были наши солдаты и машины и была одна машина санитарная. Мы его сдали в эту санитарную машину и больше я его не видел. Не знаю жив ли он остался или нет. Когда мы с этим парнем пришли обратно в штаб этот старший был уже там, ну мы сказали начальству, что с нами приключилось. Через несколько дней немец отступил и мне пришлось проходить по этой самой дороге, где мы шли, где нас обстреляли, не доходя этого сарая метров двадцать вся дорога была заминирована, лежала целая куча мин, наши саперы разминировали, а дальше сарая метров 50 были немецкие траншеи. Вот если бы не начали в нас стрелять минометчики или артиллерия, мы сами бы пришли к немцам в лапы. Вот это, что я написал не выдумка, это настоящая правда, возможно кто-либо еще жив, здоров кто был со мной, может быть он напишет это же самое. Много было всяких приключений, всего на напишешь, сейчас другой раз начнешь вспоминать и думаешь, каким чудом остался жив, хотя все израненный.

Я случайно прочитал в старой газете Орловская правда, что в Кузбассе создан музей славы 376 дивизии. Мне пришлось в ней служить где-то или с конца марта или начало апреля 1944г. Дивизия стояла в обороне под городом Псковым. Я служил в 1252 полку, 2 бат. 5-я рота, был стрелком, автоматчиком, снайпером. 19 октября 1944г. меня тяжело ранило за городом Ригой 60 км. 6 месяцев я пролежал в госпитале и был комиссован как инвалид войны 3-ей группы. Я родился и сейчас проживаю в г. Орле, работаю на заводе электриком.